

куча» не следовало, пожалуй, выдумывать «улиточник». Многие термины появляются в русской литературе впервые или почти впервые. Следует приветствовать термин «бифас», когда «ручное рубило» по смыслу не подходит (например, в отношении орудий типа микок). Нет сомнения в том, что в русской литературе в скором времени придется говорить об атере и иберо-мавре, о культурах тумба и кафу, о кагере и камасе. И не только в специальной литературе, но и в популярной. Многие африканские термины не менее важны, чем европейские, и можно надеяться, что они займут должное место в русских статьях и книгах, авторы которых с благодарностью вспомнят о труде редакторов книги Алимана. Весьма полезен приложенный к русскому переводу французско-русский словарь геологических и археологических терминов, хотя, к сожалению, в нем довольно много опечаток и есть ошибки.

Тираж русского издания книги Алимана разошелся в течение двух-трех дней. Этот факт наглядно свидетельствует об огромном интересе к подобной литературе. Хотелось бы, чтобы русские читатели чаще имели возможность получать книги по четвертичной геологии и археологии внеевропейских стран на русском языке. В первую очередь речь идет о зарубежной Азии, где за последнее время сделано много интересных открытий, остающихся у нас недостаточно известными.

Г. Дебец

НАРОДЫ АВСТРАЛИИ

ДВЕ КНИГИ ОБ АВСТРАЛИЙСКОМ ПЛЕМЕНИ ТИВИ

Ch. P. Mountford, *The Tiwi, their art, myth and ceremony*, London, 1958, 185 стр.
C. W. M. Hart and A. R. Pilling, *The Tiwi of North Australia*, New York, 1960, 188 стр.

Две рецензируемые книги — первые монографии, посвященные современной жизни и культуре тиви (самоназвание, означающее «мы, люди»), интересной группы австралийских аборигенов.

Тиви населяют острова Мелвилл и Батерст, расположенные у северных берегов Австралии. Численность их составляет в настоящее время около 1 тыс. человек. Тиви давно известны этнографам, особенную славу они приобрели как замечательные художники.

По своему физическому типу тиви близки к другим аборигенам Северной Австралии — для них характерны довольно высокий рост, курчавые волосы и более темная, нежели в других областях Австралии, окраска кожи. Культура этой группы, вследствие островного обитания тиви, обладает рядом особенностей. Одна из них — погребальные обряды, не имеющие аналогий в остальной Австралии¹. Есть и другие особенности, например отсутствие на островах Мелвилл и Батерст бумеранга и копьеметалки, а также обряда обрезания. В то же время многое в общественном строе, искусстве, материальной культуре сближает тиви с другими этническими группами австралийцев.

Своеобразие культуры тиви заключается также в том, что, наряду с относительно высокими достижениями в области художественного творчества, они сохраняли до недавнего времени некоторые архаические черты общеавстралийской культуры. Еще недавно у них преобладали лодки, шитые из эвкалиптовой коры, тогда как всего в нескольких километрах от них, на северных берегах материка, этот вид лодок давно уже вытеснен дослбленными однодеревками, техника изготовления которых была заимствована у индонезийцев.

Со шлифованием каменных топоров тиви познакомились сравнительно недавно, а их единственными режущими орудиями вплоть до появления завезенного к ним железа были острые раковины, даже не прикрепляемые к рукояти.

Рецензируемые книги, вышедшие почти одновременно, дополняют одна другую. Их сопоставление представляет поэтому значительный интерес.

Прекрасно иллюстрированная книга Ч. Маунтфорда посвящена искусству, мифам и обрядам тиви. Собранные в ней материалы интересны не только для этнографа, но и для фольклориста и историка искусства. В жизни тиви, как и в жизни всех австралийских аборигенов, искусство, мифы и обряды тесно связаны. Мифы воплощены в обрядах и отражены в искусстве. В такой связи Маунтфорд и рассматривает эти три области культуры. Таков его метод, применяемый им и в других работах. Но содержание искусства шире — оно отражает не только мифы, но прежде всего реальный мир. Поэтому Маунтфорд посвящает особую главу искусству, не имеющему отно-

¹ Погребальные обряды тиви и связанные с ними замечательные резные и раскрашенные столбы, воздвигаемые на могилах, недавно исследовала Д. Гудейл (Пенсильванский ун-т), см.: J. C. Goodale. *The Tiwi dance for the dead, «Expedition», Pennsylvania, 1959, т. 2, № 1; J. House. Tiwi burial poles as sculpture, там же.*

шения к мифам и обрядам, — искусству, главным содержанием которого является при-рода.

Основная группа мифов тиви — мифы о творении, т. е. о создании земли и первых людей, о жизни и деяниях культурных героев. Обряды тиви делаются на две основные группы — погребальные обряды и обряды посвящения, сочетаемые с обрядами плодородия. Главные предметы искусства тиви — деревянная скульптура, рисунки на коре, погребальные столбы.

Маунтфорд показывает все разнообразие и богатство изобразительных средств аборигенов, идущих в искусстве собственными путями. Ему удалось выяснить и объяснить значение этого искусства, его содержание европейскому читателю. Маунтфорд знакомит нас с живыми художниками-тиви, с индивидуальными особенностями их мастерства. Эти люди также и знатоки мифологии, «хранители племенных верований и философии», по выражению Маунтфорда. Уход из жизни этих людей, говорит он, будет потерей для аборигенов, потому что новое поколение, находящееся под влиянием миссионеров, не проявляет интереса к устному творчеству своего народа².

Внимание Маунтфорда к мифам о происхождении мира, человечества и культуры — также одно из достоинств книги, так как после классических работ Спенсера и Гиллена эта область австралийской мифологии исследовалась сравнительно мало. Реальные события прошлого почти не отражены в сказаниях тиви, но без них мы никогда не поймем «душу» народа, его развивающееся мировоззрение. Эти сказания важны и для изучения австралийского тотемизма.

Своеобразие культуры тиви Маунтфорд объясняет продолжительной изоляцией населения островов, отрезанных от материка проливами с бурными и опасными течениями. В действительности, однако, эта изоляция не была столь велика. Искусство тиви и их мифы имеют много общего с искусством и мифами аборигенов Архемленда.

В искусстве (в изображениях на коре, в деревянной скульптуре, в орнаментации утвари, в раскраске тела во время обрядов) это особенно очевидно. Маунтфорд «был удивлен, обнаружив, что тиви, отрезанные от культур материка в течение продолжительного времени, делали такие же точно деревянные скульптуры для своих погребальных обрядов»³. Это сходство, а оно, действительно, велико, трудно объяснить иначе, как контактами с населением Архемленда.

С другой стороны, изобразительное искусство тиви поразительно напоминает искусство Центральной Австралии приемами изображения тотемов и мифологических образов и событий в условной, или символической манере, непонятной без объяснения художника. Этой своей особенностью изобразительное искусство тиви отличается от тяготеющего к реализму искусства аборигенов Архемленда. Среди исполненных в условной манере рисунков тиви есть и такие, в которых религиозно-тотемическое содержание отсутствует. Здесь изображены море, морские берега и джунгли, топографические особенности местности, морские и сухопутные животные, растения, небо и солнце, луна и звезды. Рисование и созерцание этих картин на коре доставляет аборигенам большое эстетическое удовлетворение.

Черты сходства наблюдаются и в образах героев мифологии островов Мелвилл и Батерст, с одной стороны, и материка, — с другой. Это не ускользнуло от внимания автора, который отметил: «Мифы о творении показывают, что культуры острова Мелвилл и материка происходят из общего источника»⁴.

Рональд и Кэтрин Берндты, а за ними и Маунтфорд объясняют происхождение необычных для остальной Австралии человекоподобных скульптур Архемленда и прилегающих островов влиянием индонезийской скульптуры. Доля истины в этом, вероятно, есть. Однако влияние индонезийских ловцов трепангов сказалось главным образом в другом — в появлении металлических орудий, в развитии судостроения из древесных стволов и т. п. Между тем упомянутые исследователи почему-то не обращают внимания на то, что связи австралийцев с папуасами Новой Гвинеи были значительно древнее и, как показывают факты, отразились в искусстве, языке и некоторых других чертах культуры.

Маунтфорд предлагает и другую гипотезу. Развитие антропоморфной пластики на острове Мелвилл может быть объяснено, по его мнению, появлением металлических орудий, а также имитированием изображений христианских святых в миссионерской церкви⁵. Но это предположение не выдерживает критики. Металлические орудия могли быть только средством, но не причиной развития скульптуры. Не вызывает сомнения, что пластика тиви очень близка не изображениям христианских святых, а традиционной скульптуре Архемленда и Новой Гвинеи.

Острова Мелвилл и Батерст были отделены от австралийского материка, вероятно, тогда же, когда морские проливы, вследствие поднятия уровня воды в океане, отделили от него и Тасманию. С тех пор культура островов Мелвилл и Батерст развивалась самостоятельно, сохраняя многие древние черты австралийской культуры и в то же время обо-

² С. Р. Mountford, *The Tiwi*, стр. 22.

³ Там же, стр. 118.

⁴ Там же, стр. 23.

⁵ Там же, стр. 119.

гающаяся культурными заимствованиями из Индонезии, Новой Гвинеи и с материка. Европейское влияние относится только к XX в.

Большой интерес в книге Маунтфорда представляет описание обрядов кулама, сопровождаемых собиранием и употреблением в пищу дикорастущего ямса. По существу это — обряды плодородия, родственные, с одной стороны, обрядам типа интичума, характерным для Центральной Австралии, а с другой, — некоторым обрядам папуасов и меланезийцев-земледельцев. По мнению Б. Спенсера, наблюдавшего обряды кулама, они имеют именно такой характер⁶. Маунтфорд не согласен с этим: по его мнению, у тиви нет обрядов плодородия, смысл которых он сводит к «увеличению продовольствия»⁷. Представляется, однако, что в этом вопросе прав Спенсер. Сущность обрядов плодородия не сводится только к «увеличению продовольствия»: посредством этих обрядов люди стремятся оказать влияние на природу и поддержать благосостояние человечества. Обычно такие обряды сопровождаются употреблением в пищу того или иного вида растений или животных. Обряды кулама принадлежат к этому же типу. Такое сближение подкрепляется указанием самого Маунтфорда на то, что, готовя ямс к употреблению в пищу, участники обряда «верят, что этим они продлевают дождливый период года»⁸. Обряды кулама не являются, таким образом, чем-то уникальным, как это кажется Маунтфорду, и их можно сблизить с аналогичными по существу (хотя сильно различающимися в деталях) обрядами Центральной Австралии, Новой Гвинеи и Меланезии, например с обрядами папуасов кивай — хориому, могоуру, миниа и другими, описанными Г. Ландтманом⁹. Обряды кулама даже ближе к этим обрядам, чем к интичуму Центральной Австралии, так как они, как и хориому, сочетаются с инициациями. С ними можно сблизить и обряды харейха у байнингов Новой Британии (Меланезия), где инициации также сочетаются с магией плодородия, в том числе с употреблением в большом количестве ямса (у байнингов и кивай — выращенного на огородах, а у тиви — дикорастущего). В обрядах кулама ямс едят сначала полностью посвященные мужчины, а затем уже остальные. Его едят для того, чтобы обеспечить и сохранить свое здоровье и благополучие всей группы до следующего года, до новой кулама¹⁰.

Обряды типа интичума можно назвать обрядами плодородия 1-го типа (не сочетаемыми с инициациями), а обряды типа кулама, хориому, харейха — обрядами плодородия 2-го типа (сочетаемыми с инициациями). Историческая последовательность обрядов этих двух типов еще неясна. Можно все же предполагать, что обряды 2-го типа, свойственные (за исключением тиви) народам-земледельцам, появились позже. У австралийцев обряды плодородия и инициации, как правило, не совпадают.

Самобытная культура тиви сейчас разрушается. Об этом пишет и Маунтфорд. Ее необходимо изучать комплексно и всесторонне. Но ни Маунтфорд, ни другие этнографы не ставили перед собой такой задачи. В известной мере исследование Маунтфорда дополняет книга Харта и Пиллинга, но и она оставляет многие важные стороны жизни тиви совершенно не изученными.

Книга «Тиви Северной Австралии» основана преимущественно на полевых исследованиях Харта, относящихся к 1928—1929 гг. В 1953—1954 гг. острова Мелвилл и Батерст посетил А. Пиллинг, который проверил наблюдения своего предшественника и отметил изменения, происшедшие на острове за двадцать пять лет. В результате сотрудничества двух ученых и родилась эта книга, посвященная главным образом общественным отношениям у тиви.

Тиви рассматривают себя как один народ, говорят на одном языке, все локальные группы имеют одинаковые обычаи. Этим, впрочем, и ограничивается их племенное единство. Как везде в Австралии, у них нет никаких племенных институтов и племенных вождей. Племя тиви — если только можно в применении к австралийцам употребить термин «племя», — никогда не собирается вместе. Основными формами общественной организации, как считает Харт и Пиллинг, являются здесь локальные группы, или общины (bands или hordes, по терминологии авторов) и семьи (households).

Харт насчитывал у тиви девять общин численностью от 100 до 300 человек каждая. Общины, по словам авторов, были «территориальными группами»; их члены не жили постоянно вместе. В свою очередь, общины распались на более мелкие группы, но каждая община имела свою кормовую территорию, границы которой были хорошо известны всем ее членам, рассматривающим ее как «свою страну»¹¹. Все члены общины жили вместе лишь в течение непродолжительного времени в году. Условия охотничье-собирательского хозяйства заставляли их рассеиваться по своей территории и жить небольшими группами, семьями (households), состоящими обычно из мужа, его жены (или жен) и их детей, а во многих случаях также из неженатых родственников-мужчин¹².

⁶ B. Spencer, *Wanderings in wild Australia*, London, 1928, стр. 661.

⁷ C. P. Mountford, *The Tiwi*, стр. 178.

⁸ Там же.

⁹ G. Landtman, *The Kivai papuans of British New Guinea*. London, 1927, стр. 236—237, 327 и далее.

¹⁰ C. P. Mountford, *The Tiwi*, стр. 142.

¹¹ C. W. M. Hart and A. R. Pilling, *The Tiwi of North Australia*, стр. 11—13.

¹² Там же, стр. 13.

Члены семьи жили всегда вместе, совместно добывали и делили между собой пищу. Однако у авторов нет ясного понимания отношений между общиной и семьей, всегда связанных крепкими узами. Семья всегда рассматривает себя как часть общины, даже когда в действительности она живет отдельно. Вследствие непонимания этого авторы впадают в противоречия со своими собственными утверждениями. Так, например, на одной странице они характеризуют семью как «наполовину автономную» в хозяйственном отношении группу людей, а на следующей странице называют ее экономически автономной общественной единицей¹³.

Кроме общин и семей Харт и Пиллинг выделяют еще одну форму социальной организации, которую они, со свойственной им терминологической нечеткостью, называют «establishment». «Под establishment,— пишут они,— мы понимаем группу, совместно производящую и потребляющую пищу»¹⁴. Но ведь так определяется ими и семья. Однако establishment состоит из нескольких семей. Это, в сущности, часть общины. Одна из таких групп, например, состояла из трех больших семей, каждая из которых возглавлялась одним женатым мужчиной. «Экономически это было одно хозяйство, так как шестнадцать жен, из которых оно состояло, работали коллективно, и пища, которую они приносили, потреблялась всеми тридцатью двумя его членами»¹⁵. Семьи, входящие в общину, стремятся, как видим, к совместному ведению хозяйства. Они рассеиваются лишь вследствие экономической необходимости.

Главное внимание авторов сосредоточено на браке и семье у тиви, их особенностях и влиянии, которое они оказывают на общественные отношения. При этом остаются в тени другие, не менее важные стороны жизни народа, прежде всего общественное производство, без чего трудно понять и объяснить специфику общественных отношений. Правда, в книге имеется небольшая, но интересно написанная глава, которая называется «Жизнь в зарослях». Здесь рассказывается о том, как живет и трудится семья. Авторы, однако, ограничиваются следующим выводом: «Чем больше семья, тем больше пищи она производит, тем лучше она питается»¹⁶. Вот, значит, отчего мужчины стремятся иметь как можно больше жен, а природа на островах Мелвилл и Батерст так благоприятна, что женщинам нетрудно обеспечить себя и свою семью необходимой пищей. Действительно, пища, собираемая женщинами, преобладает количественно над продуктами мужской охоты и добывается более регулярно. Так обстоит дело повсюду в Австралии, даже на островах Мелвилл и Батерст, где, по словам Харта и Пиллинга, водится достаточно охотничьей дичи. Поэтому, говорят они, многоженство имеет хозяйственное значение — на нем покоится благосостояние семьи. Действительно, многоженство имеет хозяйственное значение. Но это значение отнюдь не сводится к количеству добываемой пищи. Ведь чем больше семья, тем соответственно в большем количестве пищи она нуждается.

Характер брака и семьи у тиви, их своеобразие не получают, таким образом, экономического объяснения в книге Харта и Пиллинга. По-видимому, авторы чувствуют, что ссылка на количество пищи недостаточна, и поэтому ищут другие причины, которые они усматривают в стремлении мужчин к приобретению возможно большего «престижа» и «влияния». Вот чем еще, по мнению авторов, объясняется желание мужчин иметь как можно больше жен. Имея много жен, глава семьи не только «хорошо питается»,— он имеет много дочерей, которых он обещает в жены молодым мужчинам из других семей, а тем самым приобретает в лице будущих зятьев верных, преданных «вассалов», приобретает, следовательно, влияние в общине. У тиви, как правило, отец обещает свою только что родившуюся дочь молодому человеку не моложе 25 лет. Последний должен ждать еще лет 14, прежде чем обещанная ему девочка будет взрослой настолько, чтобы стать его женой. Такое различие в возрасте между женой и мужем (примерно 14 и 40 лет), по словам авторов, является здесь правилом¹⁷.

В изображении авторов общество тиви напоминает капиталистическое общество, в котором женщины являются своеобразным «капиталом», источником богатства и влияния, предметом накопления, средством кредита и платежа. Молодых девушек авторы называют «движимостью»¹⁸. В изображении Харта и Пиллинга интересы тиви сосредоточены почти всецело на браке и на всем, что с ним связано. Не вызывает сомнения односторонний и тенденциозный характер такой картины. Несмотря на все это, фактический материал Харта и Пиллинга представляет большой интерес для характеристики семьи у австралийцев.

В свидетельствах авторов двух рассматриваемых книг встречаются и некоторые противоречия. Так, например, Маунтфорд пишет о довольно высоком, сравнительно с другими австралийскими этническими группами, положении женщин у тиви. Между тем весь материал Харта и Пиллинга противоречит такому утверждению. Другое противоречие состоит в том, что, согласно Маунтфорду, обряды посвящения у тиви взрос-

¹³ С. W. M. Hart and A. R. Pilling, *The Tiwi of North Australia*, стр. 32—33.

¹⁴ Там же, стр. 65.

¹⁵ Там же, стр. 66.

¹⁶ Там же, стр. 35, 47, 50 и др.

¹⁷ Там же, стр. 16.

¹⁸ Там же, стр. 53.

лые женщины проходят наравне со взрослыми мужчинами, причем именно взрослые, а не подростки. Если это так, то это очень интересное и редкое явление, которое выделяет тиви из остальных австралийских групп, более того, ставит их особняком и среди многих других народов. Между тем Харт и Пиллинг не один раз на протяжении своей книги пишут о том, что обряды посвящения проходятся только мальчиками и юношами в возрасте от 14 до 24—26 лет и что ни женщины, ни девочки вовсе не проходят этих обрядов¹⁹.

Может быть, обряды инициации для женщин появились сравнительно недавно, и в конце 20-х годов, когда на островах Мелвилл и Батерст работал Харт, таких обрядов еще не было? Может быть, появление этих обрядов связано с изменениями в жизни тиви, происшедшими в последние годы? Однако никаких данных, подтверждающих такое предположение, у нас нет. Возникает вопрос: почему же Пиллинг, который жил среди тиви почти в одно время с Маунтфордом и более года посвятил изучению их социальной организации, не исправляет Харта и ничего не говорит об ином характере их обрядов посвящения?

Вызывает недоумение заявление Харта и Пиллинга, что тиви совершенно не знают магии²⁰. Для обрядов кулама, о которых мы говорили выше, как раз характерно магическое воздействие на природу. Неясно, что же в таком случае понимают авторы под магией.

Подобно Маунтфорду, Харт и Пиллинг преувеличивают изолированность тиви от окружающего мира²¹.

В конце книги авторы говорят об изменениях, происшедших в жизни тиви в послевоенные годы. Почти все тиви сконцентрировались теперь вокруг европейских поселений и миссий. Многоженство исчезает²². В связи с процессом оседания старые общины, или локальные группы, утрачивают свое значение, в то время как сознание родовой принадлежности продолжает сохраняться.

В заключение необходимо отметить, что такая важная сторона жизни тиви, как экономика, остается почти совершенно не изученной. Хочется надеяться, что раньше, чем самобытная культура тиви бесследно исчезнет, появятся новые исследования, которые глубже, полнее и объективнее раскроют социально-экономические отношения у этой группы австралийских аборигенов.

В. Кабо

¹⁹ C. W. Hart and A. R. Pilling, *The Tiwi of North Australia*, стр. 38, 49, 93—94.

²⁰ Там же, стр. 88.

²¹ Там же, стр. 9—10.

²² Там же, стр. 109—111.